

Борис Можаяев

ХОЗЯИН ТАЙГИ

Повести и рассказы

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
М 74

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Можаев Б.

М 74 Хозяин тайги : повести и рассказы / Борис Можаев. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 736 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30462-8

Честная проза Бориса Можаева, пронизанная любовью к русской деревне и людям, чьим тяжелым трудом страна поднималась из руин войн и революций, всегда находила благодарный отклик в сердцах соотечественников. Выходец из крестьянской семьи, писатель остро чувствовал и понимал и боль, и радость деревенской жизни. Мужество, нравственная стойкость, ответственность перед землей и стремление к справедливости — эти черты российского крестьянства Борис Можаев высоко ценил и умел разглядеть за наивностью или простотой, балагурством или грубоватой прямотой.

Представленные в настоящей книге повести и рассказы написаны в разные годы, многие из них получили экранное воплощение, самым известным из которых стал фильм «Хозяин тайги» о молодом участковом милиционере Василии Серержкине (главные роли исполнили Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин). Повести «Живой» и «Полтора квадратных метра», по которым были поставлены знаменитые спектакли Театра на Таганке, «История села Брехова...» стали знаковыми произведениями советской эпохи. Написанные в разные годы, эти истории позволяют увидеть развернутую во времени панораму жизни огромной страны через судьбы простых людей, неразрывно связанных с ней.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Б. А. Можаев (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30462-8

ВЛАСТЬ ТАЙГИ

1

Поздно ночью сильно постучали в окно избы участкового милиционера.

Сережкины спали прямо на полу; широкую деревянную кровать вынесли во двор и пересыпали дустом — от клопов спасения не было. Татьяна, приподнявшись на локте, будила мужа:

— Вася! Слышь, Вась! Да очнись ты, не маку же напился!

— А! — тревожно вскрикнул Сережкин и, сбросив теплое одеяло с лоскутным верхом, быстро вскочил на ноги. — Что случилось, Тань?

— Да ничего, — спокойно ответила жена. — Вон стучит кто-то. Опять, видно, по твою душу.

В окно снова настойчиво постучали.

— А-а, — равнодушно отозвался Сережкин, почесывая широкую волосатую грудь, и потянулся так, что захрустели суставы. — А я уж думал, не пожар ли?

В одних кальсонах и ночной рубахе он пошел в сени, шлепая по полу босыми ногами. В сенях Сережкин наскочил на ведро, чертыхнулся в темноту, обозвав Татьяну раскидухой, и на ощупь отыскал дверную задвижку.

— Кто там? — хрипло спросил он, выглядывая наружу из-за приотворенной двери.

— Василий Фокич! — метнулась от окна к Сережкину темная фигура. — Беда, Василий Фокич. Сплавщики у нас бузят. Из ружьев так и палят, так и палят...

— Постой, говори толком, — оборвал его Сережкин. — Где это — у вас!

— Да ты что, ай не признал меня? Я ж Усков из Переваловского сельпо.

— Николай! — удивленно воскликнул Сережкин. — Фу ты, дьявол! Спросонья-то никак не очухаюсь. Здорово! — Сережкин вышел на крыльцо и подал Ускову руку. — Откуда ты? Неужто в такую пору из Переваловского?

— А я на моторке... Еле утек. Так из ружьев и палат, варнаки.

— А что, задели кого-нибудь?

— Да нет, этого не было...

— Кто же сплавщиками верховодит, Рябой, что ли?

— Вроде его не видал. Больше этот, Варлашкин, шумит. Этот, что в картинках весь. — Усков показал рукой на грудь и живот.

— А, татуированный! — протянул Сережкин. — Известно. Ну, пошли в избу Я в момент соберусь, и поедем.

На кухне, или, как Сережкины говорили, в чулане, отгороженном невысокой дощатой перегородкой от остальной избы, Василий зажег лампу. Круглолицый толстогобый Николай с не привычки к свету сильно сощурился.

— Садись, — пригласил его к столу Сережкин и сунул табуретку.

— Вася, едешь? — спросила Татьяна.

— Да. — Сережкин ушел в темную комнату собираться.

— Поесть чего-нибудь собрать?

— Не надо.

— Куда ж ты теперь?

— В Переваловское. Опять сплавщики поднялись, — ответил Сережкин и закряхтел, с трудом натягивая волглые сапоги.

— Из ружьев так и палат, так и палат, — донеслось из чулана.

На пол, на постель, на стол падал от двери длинный прямоугольник света. Татьяна лежала, все так же опираясь на локоть. Ладонью другой руки она прикрывала лицо от света. Одеядло сползло на грудь, обнажая острые худые плечи и выпуклую ключицу.

— Ты бы погодил до свету, Вася, — упрасивала она тихим глухим голосом. — А то ведь, не ровен час, того и гляди... — Она не сказала, что убьют, но он понял.

— Чудная ты, Татьяна, — нехотя ответил он. — А если бы, к примеру, в бою меня командир послал ночью в разведку, я бы

ему что сказал? А? Молчишь? То-то и оно. А здесь я сам командир и солдат. Сам себе приказываю и выполняю, понятно? Если я не пойду, кто пойдет? В одну сторону на полсотни километров нет милиционера, а в другую, может, на пятьсот, а может, на тыщу... Аж до самого океана. Я один тут. А порядок все равно должен быть. Власть и в тайге власть, — заканчивал Сережкин всегда этой внушительной фразой, за что получил в округе прозвище «Власть тайги».

И Татьяна смирялась, затихала.

— Поддай-ка мой портупей, — попросил он жену. — А то куда мне в грязных сапогах через постель?

— Папань, я подам! — неожиданно раздался из темного угла детский голос, и парнишка лет десяти, опережая мать, бросился к столу, где лежала отцовская портупея.

— Ах ты, кочедык! — ласково обругал отец сына. — Не спишь, мерзавец!

— Может, молочка попьешь, — предложила Татьяна.

— Это можно.

Сережкин уже в чулане, на свету, проверил пистолет — заряжен ли? Затем надел снаряжение. Приземистый, туго затянутый ремнями, он производил внушительное впечатление. У него все подалось вширь: скуластое, с широкой переносицей лицо, угловатые тугие плечи и даже ступня была широкой, почти квадратной. Крупные черты его лица выражали степенное миролюбие, и только маленькие светлые глаза задорно поблескивали и хитровато щурились. Ему шел сороковой год, но выглядел он лет на десять моложе. Впрочем, молодила его короткая стрижка жестких рыжеватых волос.

Он выпил литровый горшок молока, предварительно предложив Ускову, который отказался, и, повернувшись к Татьяне, сказал на прощание:

— Ну, я поехал.

— Поезжай, поезжай, — ответила она, и это прозвучало и как прощание, и как доброе напутствие.

Сережкин с Усковым вышли на улицу. Небо затянуло плотными облаками, они куда-то спешили, наваливались друг на друга и клубились темно-бурыми клочьями. Иногда сквозь их рыхлую толчею проваливалась луна, и тогда видны были далеко

разбросанные друг от друга деревянные дома Хохловки, за ними похожие на кочки стога сена, а еще дальше матово поблескивал плес Бурлита... Сережкин и Усков быстро шли по луговой тропинке к реке.

— Как думаешь, доберемся к утру до Переваловского? — спрашивал Ускова Сережкин.

— Сейчас два часа, светает в пятом... Думаю, доедем.

— Ну, давай, рассказывай по порядку.

— Пришли они, значит, с вечера, засветло еще, вроде как бы на танцы... — начал торопливо Усков, катя свое полное круглое тело по тропинке за размашисто шагающим Сережкиным. — Ну и как водится, зашли ко мне в магазин, взяли водки. Человек пять их было. Я еще предупредил их: «Не много ли, ребята, будет три литра-то?» Не твое, говорят, дело. Ты знай продавай да посапывай. Меня, конечно, задела такая непочтительность, но я смолчал. Ладно, думаю, что будет дальше? Ушли они. Да, Варлашкин-то завернулся, скорчил рожу и говорит мне: приготовь, мол, нам местечко, дружок, мы погулять решили. Я думаю: тебе тот дружок, который на цепи сидит. Но смолчал. Ушли. А через час, в сумерках, закрываю это я магазин, слышу, возле клуба кричат. Я туда. Смотрю, дерутся на танцах. Девки с криком врассыпную, как горох. А потом и ребята наши разбежались. А что они сделают? Их меньше. К сплавщикам еще со станов подошли, да двое с ружьями. Ну, они как пальнут, пальнут! Куда тут деваться? У председателя Волгина собаку убили, а сам он в сопки чесанул, а за ним и мужики. Изобьют ведь! И пошли они по селу охальничать, заборы ломают, собак бьют. В избу ко мне вломились. Так я успел во дворе на сушилах спрятаться. В сено зарылся. Часа два пролежал там. А потом задами пробрался к реке, завел моторку и вот к вам приехал.

— А когда уезжал ты, они еще в деревне были? — спросил Сережкин.

— Да все там колобродили. А вот и лодочка моя, прошу!

Они подошли к реке. Усков вытащил кол, за который лодка была привязана на цепь. Вдвоем они столкнули лодку с мели, сели в нее и стали выгребать на быстрину. Течение подхватило лодку и медленно понесло ее вдоль темных лесных берегов.

Вскоре заработал мотор, стало веселее. По реке Бурлиту от Хохловки до Переваловского было километров двадцать, и они надеялись добраться на место происшествия к рассвету. Мотор выбивал ровную пистолетную дробь, лодку, покачивая, легко несло по течению. На перекатах волны заливали выхлопную трубу, тогда от кормы веером разлетались брызги, а трескотня мотора становилась глуше. Усков сидел в корме, навалившись боком на изогнутый руль, и без конца говорил о том, как «палят из ружьев» сплавщики. Вдруг мотор несколько раз сильно выстрелил и заглох.

— Свечи замочило, — сказал авторитетно Усков. — Это мы сейчас.

Он засветил фонарик и начал копаться в моторе.

Лодка еще несколько минут с тихим плеском летела по инерции и наконец застыла. Река в этом месте была широкая, течения не ощущалось. После грохота мотора стало неестественно тихо, и лишь через некоторое время Сережкин услышал стрекот кузнечиков, доносившийся с берега, и даже шелест крыльев и попискивание летучих мышей, которые ловили над рекой невидимую мошкару. Медленно шли минуты ожидания. Звенел и кусался гнус. Сережкин хлопал себя широкой ладонью по шее, по лицу, отфыркивался, словно умывался, и говорил сердито:

— Ну скоро ли ты? Что, в самом деле, вывез на съедение, что ли?

— Обождите минуточку... Я скоренько... отсырели, проклятые, — отвечал виновато Усков и что-то брал на зуб, на язык, на что-то плевал и кряхтел.

А минуты, длинные, тягучие, все шли и шли. Сережкин уже стал проявлять заметное недовольство:

— Да ты что, смеешься надо мной? Может, за это время преступление случилось, а у тебя — свечи... Смотри, головой отвечать будешь!

— Ну что же мне теперь делать? — в отчаянии восклицал Усков. — Кажись, все на месте: искра, свечи, магнето... а не ревет, проклятый!..

Уже полнеба зарделось, заиграло зарей, уже верхушки деревьев стали ловить красноватые отблески восхода, когда

наконец Усков понял причину отказа мотора: он повернул к Сережкину свое мокрое от пота одутловатое лицо и сказал жалобно и тихо:

— Бензин весь кончился.

— А, чтоб тебя рыбы съели! Тюфяк с мякиной, — обругал его в сердцах Сережкин. — К берегу давай. Пешком дойдем!

2

К Переваловскому подходили часам к одиннадцати пополудни. Вдоль по берегу Бурлита упорно месил глинистые отмели массивными сапогами Сережкин; шел погибисто, наклонив лобастую голову, и тянул на длинной веревке моторную лодку. По его следам устало и тупо переставлял коротенькие ноги Усков. Возле сельского водопоя на Бурлите их встретил конюх Лубников. Этого человека не обходила стороной ни одна новость. У него был удивительный нюх на всякого рода происшествия; он страсть как любил все пересказывать, причем каждый случай в его устах получал необычную окраску и уходил от него по миру на самых фантастических ходулях. Вот и теперь, придерживая одной рукой вороного жеребца, он второй приветливо махал Сережкину. На нем, словно на колу, трепалась синяя рубаха и выпущенные поверх сапог серые штаны.

— Поймал его, голубчика! Ну, молодец ты, старшина! — восторженно изливался Лубников, подходя к Сережкину и с любопытством поглядывая на Ускова. — А ведь я так и сказал следователю: насчет побега Ускова не беспокойтесь... Его Сережкин из-под земли достанет. У него, говорю, у вас то есть, не сорвется. Поймал, поймал. Ну-к, поддержи-ка жеребца-то, я на него полбуюсь, на красавчика! — Лубников ткнул повод в руки Сережкину.

— Пошел ты к черту со своим жеребцом! — сердито оборвал конюха Сережкин. — Чего мелешь! Кто поймал Ускова? Я? С какой стати?

Лубников в крайнем удивлении отступил на шаг от Сережкина.

— Да ты что, старшина? — всплеснул он руками. — Дак он же магазин собственный обокрал... Его четыре часа ищут вез-

де. А ты, можно сказать, с государственным преступником прогулки гуляешь...

— Какой магазин? — испуганно спросил Усков. — Мой?

— Да, твой, — передразнил его Лубников. — Держи карман шире. Был твой...

— Ты это правду говоришь? — снова спросил Усков, бледнея.

— Да брось ломаться! Старшина, арестуй его, а то убежит.

У завмага затряслась челюсть.

— Василь Фокич, ты привяжи лодку-то, а я уж побегу, — взмолился он и, не дожидаясь ответа, катышем покатился по дугу к селу.

— Держи его! — гаркнул было Лубников и, закинув поводья на холку жеребца, хотел броситься вдогонку.

— Легче! — придержал его за локоть Сережкин. — Что у вас тут стряслось?

— Нет, уйдет, ей-богу уйдет!.. — сокрушался готовый сорваться в погоню Лубников, глядя, как бежит Усков.

— Успокойся, никуда он не денется. Рассказывай, что обокрали?

— Сельповский магазин и обокрали. Когда драку устроили сплавщики, наши-то все убежали в сопки. Я-то, конечно, остался на своем посту, в конюшне, значит. Думаю, нагрянут — живым не дамся. А к утру стихло все. Иду домой из тайги, то есть из конюшни, вижу: сквозь щели в ставнях магазина будто огонь светит. Кто такой, думаю, там? Одному-то мне нельзя: ну-ка, что не в порядке? Протокол надо составить при свидетелях. Я к председателю. Пошли мы с ним к магазину, а там дверь-то не заперта. Смотрим — все три замка открыты честь по чести — ключами, а закрыть-то, видно, не успел вор. Наверно, я его и спугнул. Мы, конечно, тоже не вошли в магазин, а по телефону в район сообщили. И оттуда оперуполномоченный со следователем в момент прикатили к переправе, а с переправы мы их на машине сюда доставили. Как следователь-то посмотрел, так и сказал: мол, известное дело, кража сделана лицом причастным. И ключи у вора оказались: открыли-то ключами, а замки для видимости чуть помяли. Но это уж опосля.

А оперуполномоченный говорит: использование ворами отвлекающих обстоятельств, то есть драки. Это я уж точно

запомнил. Ну-ка, позвать сюда Ускова, говорит! Хвать-похвать, а Ускова и след простыл. Но вещей-то много украдено. Следовательно говорит, тут не один работал. А я так полагаю: Усков, должно быть, навел воров, а потом глаза отводил.

— Кому? — спросил Сережкин.

— Известное дело, вам, — ответил Лубников.

— Чепуху говоришь, — пробасил старшина, но рассказ Лубникова заставил его задуматься. Загадочно теперь выглядела история Ускова с мотором и с бензином. «Странно, — твердил про себя Сережкин, — и подозрительно. Но не будем торопиться».

Возле магазина сельпо в огороженном неошкуренными жердями травянистом палисадничке толпился народ. В центре палисадника за непокрытым столом сидел мрачный седовласый районный следователь Перебейнос и писал протокол. Возле него стоял, переминаясь с ноги на ногу, Усков. На нем висел тот же брезентовый плащ. Он вытирал тыльной стороной ладони пот с лица, но только размазывал грязь и часто шмыгал носом. Худенький, светловолосый лейтенант милиции Коньков, поблескивая очками, говорил, осаждая толпу:

— Граждане, прошу податься! Назад, назад, еще немного...

Народ, увидев Сережкина, загомонил:

— А вот и Власть тайги!

— Эк, бедняга, уморился. Смотри, какой грязный!

— Говорят, его в болото Усков затянул ночью-то.

— Хитер... А прикинулся божьей коровкой.

— От закона не уйдет.

Сережкин медленно прошел мимо толпы, поздоровался с оперуполномоченным и следователем, посмотрел в упор на Ускова. Усков кашлянул в кулак и, разведя руками, сказал упавшим голосом:

— Вот оно как все обернулось-то.

— Что украдено? — спросил Сережкин следователя.

— Вот список, смотри. Пока предварительный, уточняем еще.

Перебейнос сунул в руки Сережкину лист с длинным перечнем украденных вещей. Старшина отметил несколько кусков крепдешина и драпа, беличью шубу, костюмы...

— В магазине не убрано еще? — спросил он Конькова.

— Нет еще, все так оставлено, — ответил лейтенант.

Сережкин вошел в магазин.

Там был относительный порядок. На прилавке стояла керосиновая лампа, чуть поодаль распитая бутылка коньяку, а рядом банка недоеденных рыбных консервов. Видно было, что воры действовали наверняка и не торопились, даже за успех выпили и нагло выставили напоказ пустую бутылку и консервы. Сережкин осмотрел бутылку и банку: нет ли следов пальцев? Нет, все было тщательно обтерто. «Опытные», — отметил про себя старшина. Затем он осмотрел замки. Было ясно, что они открыты ключами, а потом для виду помяты. Теперь эти ключи лежали на столе перед следователем как вещественное доказательство. Усков вынул их из кармана. Это были единственные ключи, других таких не было, по крайней мере в селе.

Усков отрицал всякую причастность к воровству. На вопрос, откуда же у воров ключи взялись, ответил:

— Не могу знать.

«Кто же мог обокрасть магазин? — ломал голову Сережкин. — Неужели Усков? Неужели он меня так ловко обманул?» — «Да нет, не может быть», — возражал он сам себе. Чутье человека, привыкшего разгадывать повадки преступника, отрицало эту возможность. «Ну кто же? Если Рябой с Варлашкиным, то откуда у них ключи? А может, кто еще в сговоре с Усковым? — снова сомневался он. — Вот и разберись тут...»

Но разбираться надо. С особой силой почуял это Сережкин, когда следователь Перебейнос, закончив составлять протокол, сказал Ускову:

— Ну-с, а вас, дорогой-хороший, придется взять с собой... Расскажите нам, что и как, и поподробнее.

— Чтоб сговору не было с сообщниками — шепнул Сережкину Коньков.

Усков робко посмотрел в смоляные выпуклые глаза Перебейноса и, ссутулившись, покорно сказал:

— Ну что ж, раз надо — я пойду. Ты уж, Василь Фокич, извини, но я тебя попрошу, окромя некого... Не дай пропасть задаром!.. — растерянно и жалобно глядя на Сережкина, попросил Усков.

— Да ты что, чужак? Ты не того... тебя держать не станут. Допрос только снимут. Сам понимаешь, без этого нельзя, — утешал старшина Ускова.

— Да, да, как же, понимаю, — тупо глядя в землю, отвечал Усков.

Пока поджидали колхозный грузовик, чтобы доехать до переправы, оперуполномоченный Коньков говорил Сережкину с плохо скрываемой иронией о том, как они с Перебейносом определили возможного вора. Рассказывая, Коньков минутно поднимался на носки и покачивался, словно от дуновения ветра: тоненький, аккуратно затянутый в темно-синий китель, с мягкими белокурыми волосами, выбившимися из-под фуражки, он рядом с массивным и прочно стоящим на земле Сережкиным казался хрупкой фарфоровой статуэткой.

— Непокойно у тебя, Василь Фокич, непокойно, — говорил, покачиваясь на носках, Коньков. — Сплавщики хулиганят на селе, по собакам стреляют. Этим шумом пользуются ловкачи и лезут в магазин, а ты, мой друг, в это время по тайге разгуливаешь с вероятным сообщником вора!

— Кто украл — это еще вопрос, — угрюмо сказал Сережкин.

— «Вопрос, которого не разрешите вы!» — продекламировал Коньков, любивший щеголять цитатами.

— А у сплавщиков были?

— Да, милый Вася. Ну и что же?

— Как что же? Они же скандал здесь учинили!

— А последствия? Одна убитая собака? За это, мой дорогой законник, не привлечешь. Так-то!

— Ну присматривались хоть к ним? — настойчиво басил Сережкин.

— Мы ко всем должны присматриваться, — наставительно заметил Коньков. — Если и есть кто из них заодно с этим, — он кивнул в сторону Ускова, — то вряд ли расколется. Нет, смотреть надо за Усковым. Здесь верное дело. Вернется из района — ты с него глаз не спускай.

Наконец, разбрасывая подсыхающую дорожную грязь, подъехал грузовик. Следовательно сел в кабину, Коньков с Усковым в кузов.

— Ну, действуй тут, — сказал Коньков на прощание Сережкину. — Адью!

Сережкин долго провожал глазами грузовик, пока он не скрылся за мелкой придорожной порослью. «Приехали, нашу-

мели, взяли, что поближе лежит, и прощай, — думал старшина. — А ты возись тут».

Толпа после проводов Ускова быстро угомонилась, стала угрюмее, серьезнее — расходились молча.

— Что ж ты стоишь, Власть тайги? — сказал Сереекин сам себе. — Надо действовать, брат.

3

Сереекин давно знал Ускова. Лет пять назад он, возвращаясь из районного отделения милиции, был захвачен в Переваловском вечерней грозой. Тащиться двадцать километров по таежной дороге в темень да в грозу — не большое удовольствие. Он зашел в магазин переждать дождь. Разговорились с Усковым, тот и предложил заночевать у себя. Сереекин согласился. С тех пор они познакомились. Усков был холост, недавно возвратился из армии, где прослужил года три на сверхсрочной. Здесь поселился он на квартире, в незнакомом селе.

— А чего мне одному-то не жить, — говорил он, оглаживая себя по начинающему полнеть животу. — Девочек много, а баб и того больше.

— Я это холостяцкое баловство не одобряю, — степенно возражал ему Сереекин. — Через это дело, может, и в историю какую попадешь.

— Да брось ты, чудак-человек! — весело возражал Усков. — Она, баба-то, в воде не тонет и в огне не горит, а я как-нибудь за подол ухвачусь, и меня, глядишь, вытянет...

Вспомнив эту фразу, Сереекин грустно улыбнулся:

— Вот теперь и ухватись за подол-то... Он те вытянет из реки в болото.

Старшина знал, что последнее время Усков путался с Нюрой, поварихой сплавщиков. «А может, у нее рыльце в пуху? — думал Сереекин. — Уж больно баба-то разбитная. Чего она ластилась к этому увальню?» Он решил зайти на квартиру к Ускову.

Домик бабки Семенихи стоял на отшибе, возле ручья, под развесистым серебристым бархатом. Впрочем, здесь про каждый дом можно сказать, что он стоит на отшибе, потому что

улиц в привычном понятии в Переваловском не было. Бабка Семениха, или, как ее звали в селе за гнусавый говор, Гундосая, встретила Серезкина у калитки палисадника.

— Заходи, родимый, заходи, — гнусаво приглашала она Серезкина. — Чай, забрали его, кормильца. А уж смирен-то он, смирен, батюшка! Ну чистое дите. Теленка не обидит... А поди ты, вот как вышло, — приговаривала она, идя в избу за Серезкиным.

В избе, усадив гостя на скамью, она тараторила без устали:

— Поверишь ли, как прибежал он, грешный, когда сплавщики-то буянили, так с перепугу-то на сушила в сено зарылся! Там и пролежал до полуночи. А потом сказал, мол, к милиционеру поеду... Вот те крест, никуда и не ходил он.

— Верю, верю, — остановил ее Серезкин. — Ты лучше вот что скажи мне: давно Нюрка не была у него?

— Да уж давненько, дён десять, почитай, как не было. И чтой-то она на него осерчала? Все с ним покончила, как отрезала. Он-то места не находил себе: за что, говорит, она на меня осердилась. Раза два к ней на стан норовил сходить, да будто и там не подпустила.

— Интересно, мать! — воскликнул Серезкин.

— Не говори! — взмахнула Семениха своими сухими желтыми руками. — Уж так интересно, что впору хоть самой сходить разузнать. А ты сходи, сходи, родимый.

— Ладно уж, схожу.

— Так-то, так-то. А его-то, сердешного, помоги ослобонить. Уж смирен — теленка не тронет.

— Ладно, ладно, ты уж сиди, — осадил он жестом Семениху, готовую проводить гостя. — Я сам тут похожу да на твои сушила загляну.

Тщательный осмотр двора ничего не дал Серезкину, и он возвращался от Семенихи в раздумье. Рассказ бабки о разрыве Ускова с Нюркой был загадочен. «Почему она порвала с ним так неожиданно? — спрашивал Серезкин. — Кабы любовь была, уж тут ясно было бы. А что, если она от него добивалась чего-то. Допустим, ей нужны были ключи. А?»

Для Серезкина ясно одно, что кража магазина не дело рук Ускова. Конечно, он мог быть сообщником, но...

«Но ведь надо доказать, кто украл. Надо найти воров. А если не найду я, Сережкин, кто же их найдет? Кто же тогда поверит Ускову, что он честен? — думал Сережкин. — И, ясное дело, воры будут посмеиваться надо мной. Да и не успокоятся. Еще чего-нибудь украдут».

«А может, Нюрка с Усковым маскировку разыгрывали на людях? Мол, мы не знаем друг друга, а сами договаривались потихоньку насчет кражи... Как бы там ни было, а следы надо искать на стане сплавщиков».

Сережкин давно знал бригаду сплавщиков, кочевавшую в этих местах по Бурлиту. Ребята в ней были хоть и чудаковатые — половина из них бороды поотпустила, — но смиренные, баловства раньше за ними никакого не замечалось. Однако в прошлом году пришел к ним на работу Чувалов Иван. Сильный, сухопарый, широкий в кости, он быстро выдвинулся среди них и стал бригадиром. У него густо усеянное рябинами лицо, за что ему дали кличку Рябой, и он получил известность в округе больше по кличке, чем по имени.

Сережкина предупредили, что за Рябым водились раньше грешки по части воровства. Старшина присматривался к нему, но Рябой вел себя безупречно. Однако бригаду сплавщиков словно подменили в последний сезон. Появились драки, набег на село и даже одна крупная кража: двое сплавщиков обокрали рабочую кассу в леспромхозе. Сережкин нашел преступников, но у самих воров в стане выкрали четыре тысячи рублей — и никаких следов. Сережкин тогда сразу обыскал вещи Рябого, стал допрашивать его и... провалился.

Вот и теперь, чтобы не конфузиться, прежде чем пойти на стан, на сближение с Рябым, нужно самому точно убедиться, что воры скрылись в стане сплавщиков. Нужно было найти хоть маленькую, но явную улику, чтобы действовать наверняка. И Сережкин искал ее полдня. Он исходил тропинку, ведущую из села в стан, долго кружил поодаль от стана и обследовал каждый кустик. И уже под вечер, когда упорство его почти иссякло, он вдруг нашел под кустом жимолости, недалеко от тропинки, свежую, только что сорванную этикетку с черного куска крепдешина.

— Вот она, тикетка от крендэшеля, — ласково говорил Сережкин, с усмешкой разглаживая радужный бумажный лоскут на своей широкой ладони. — Ну теперь мы посмотрим, кто кого одолеет!

Сережкин бережно положил этикетку в планшет и пошел на стан сплавщиков.

4

Километрах в двух от Переваловского на излучине Бурлита расположилась палаточным лагерем бригада сплавщиков. Здесь в жаркие дни сплава они ворочали баграми бревенчатые затоны, разводили по протокам легкие стайки бревен, а в большую воду вязали плоты. У них не было постоянного пристанища: в теплые времена бригада кочевала по берегам Бурлита, а с наступлением холодов размещалась обычно в поселках лесорубов.

Оторванная на многие месяцы от запани, бригада была предоставлена самой себе. Рябой по прибытии в нее сколотил вокруг себя звено из крепких парней. «Кто хочет заработать, становись в сторону, — говорил он, подбирая напарников. — Только не хныкать — кости трещать будут...»

И они двинулись по реке, работая по шестнадцать часов в сутки, нередко и ночевали на бревнах, там, где темень застанет.

Звено прогремело на всю запань, и Рябого избрали бригадиром. Он встретил это выдвижение просто, с такой внутренней уверенностью, с какой встречают наступление дня после ночи: мол, так и должно быть.

Рябой относился к тем властным и крутым натурам, которые не могут жить, чтобы не подчинять других, не распоряжаться ими.

Всех людей он делил на два разряда: на тех, которых надо заставлять подчиняться грубо, вплоть до применения кулаков, и на тех, которых надо убеждать подчиняться.

Первым столкнулся с Рябым Варлашкин, когда они еще работали в одном звене. Напившись однажды, Варлашкин лег на плоту животом кверху и объявил, что больше не работает и Рябой ему не указ. Время было горячее, даже уход одного человека грозил провалить работу всего звена. «Ничего, — успокоил

Рябой сплавщиков, — я его вылечу». Он прыгнул на плот к Варлашкину и, оттолкнувшись от затора, уплыл с ним по реке за кривун. Возвратились они на другой день пешком молчаливые и хмурые. Татуировка на голом торсе Варлашкина была подкрашена лиловыми кровоподтеками. Никто не знал, что произошло между ними, только с этого дня Варлашкин стал правой рукой Рябого и преданным ему по-собачьи.

Рябой действовал по своему неписаному закону: он думал, что самое важное — подчинить до раболепия хотя бы одного человека на глазах у всех, остальные станут либо заискивать перед тобой, либо почитать тебя, либо, в худшем случае, держаться в стороне. Таким сторонним в звене оставался один Ипатов, белобрысый детина, могучий, как сохатый. Но, сделавшись бригадиром, Рябой назначил Ипатова и Варлашкина звеньевыми. Ипатов поддался, стал послушным, но Рябой не доверял ему, хотя относился почтительно. Вообще Рябой не ругался, не кричал ни на кого в бригаде; эту «черную» работу, как выражался он, выполняли звеньевые. Но боялись его как огня: он мог непослушного рабочего лишить прогрессивки — в бригаде Рябого всегда поддержит большинство; по его указанию компания Варлашкина могла избить провинившегося, тихо, без свидетелей и синяков. Как бы там ни было, но трудовая дисциплина соблюдалась и бригада была не на последнем счету.

Сережкин хоть и не знал всех тонкостей жизни сплавщиков, но чувствовал волю Рябого в бригаде и понимал, что дело предстоит ему нелегкое.

Стоял тихий августовский вечер. Солнце, отяжелевшее за день, лениво опускалось на дальние, в голубичном, бледно-синем налете сопки. Его темные клюквенные отцветы разбросаны были повсюду: на засыпающей переливчатой воде, на бронзовых кедровых бревнах, лежащих в завалах, на серых палатках, задравших высоко свои полы. Сплавщики, кончив работу, готовились к ужину. Одни купались, другие лежали возле костра, где в котлах на треногах варилась уха и каша. Дым струился жидким сизым столбом, а над костром летала, толклась мошкара, смешиваясь с гаснущими пепельными искрами.

Первым Сережкина заметил малорослый мужичок в лияной гимнастерке и в кирзовых сапогах. Он с готовностью

пошел навстречу старшине, улыбаясь всем своим морщинистым лицом, словно старому приятелю.

— Фомкин! — крикнул кто-то от костра. — Бригадир зовет!

С лица Фомкина мгновенно исчезла улыбка, будто ветром сдуло; он сухо и деловито кашлянул в кулак и свернул к костру.

Сережкин подошел к группе купающихся.

— Ну как дела, ребята? — спросил он, присаживаясь.

Сидевший рядом широкогрудый светловолосый парень с маленькой кудрявой бородкой обернулся, молча посмотрел на Сережкина, затем, посвистывая, встал и пошел на другое место метров за десять. Это был Ипатов. За ним поднялись и остальные. Старшина остался один.

— Приемчик! — усмехнулся он и пошел к костру.

Увидев его, от костра повставали несколько человек и пошли к реке. Возле котлов остались только Нюрка и Рябой.

— А, Власть тайги! Здорово живешь! — воскликнул Рябой, кривя в приветливой усмешке тонкие губы.

Он лениво растянулся на траве. На нем была кремовая, с манжетными резинками модная курточка и зеленые непромокаемые брюки. Рядом, помешивая в котле деревянной ложкой, сидела Нюрка, широкобровая щекастая молодуха в пестрой шелковой кофточке, туго стянувшей высокую грудь.

Сережкин сел возле костра, неторопливо раскрыл портсигар, достал папироску.

— Нюрка, огня старшине! — приказал Рябой.

Нюрка выхватила горящую головешку и услужливо подала Сережкину.

— Привет передает тебе Усков, — сказал старшина Нюрке, принимая головешку.

— Я с преступниками не вожусь, — бойко ответила кухарка.

— И давно ли?

— Да уж месяца два, почитай...

«Врешь ты, чертовка!» — хотелось сказать Сережкину.

— А мне бабка Семениха сказывала, что ты еще десять дён назад миловалась с ним, — заметил он.

Нюрка насторожилась. «А еще что ты знаешь?» — написано было на ее бровастом лице. Но Сережкин умолк.

— Семениха сослепу козу с коровой перепутает! — Нюрка засмеялась тоненьким, притворным смешком, запрокинув лицо.

«В пуху рыльце-то у тебя, в пуху, — думал Сережкин, прикуривая. — Ишь какого лебеда шеей-то выгнула!»

— А где десятник? — спросил он у Рябого.

— На запани. Здесь я за него, а что?

— Да вот потолковать надо. Кое-кто из вашей бригады замешан кое в чем.

— Уж не в воровстве ли? — хохотнула Нюрка.

— В воровстве?! — с ленивой усмешкой протянул Рябой.

— Нет, зачем же в воровстве? — равнодушно заметил Сережкин. — Здесь ни следователь, ни оперуполномоченный никаких подозрений к вам не имели. А вот хулиганством занимались ваши ребята. Пришел узнать, как вы с ними поступите.

— Да не говори, старшина, — озабоченно заметил Рябой. — Просто от рук некоторые отбились. Оторванность, понимаешь. Начальства никакого. Даже десятник не каждый день бывает. Ну и, сам понимаешь, трудно одному с ними управляться. Но мы их на собрании пропесочим.

— А кто был в Переваловском? — спросил Сережкин.

— Сейчас выясним, — ответил Рябой и крикнул: — Варлашкин!

От группы купающихся отделился черноголовый парень в трусах. Рослый, отлично сложенный, он шел вразвалку. Когда-то перебитая и неровно сросшаяся переносица придавала его лицу свирепый вид. Весь торс, руки, ноги его были расписаны татуировкой. На спине выколота целая картина: собака воеет на крест, а под этой картиной надпись: «И необмытого меня падлай собачий похоронят». Так и было написано: «падлай собачий». Грамотность Варлашкина плакала на его собственной спине. Даже на ступнях вытатуирована надпись: «Они устали».

Сережкин не без любопытства рассматривал эти диковинные надписи и картины.

— Что, интересно, старшина? — спросил Варлашкин, перехватывая взгляд Сережкина.

— Ты лучше расскажи, кто вчера с тобой был в Переваловском? — строго оборвал Рябой Варлашкина.

— А что он, не знает, что ли? — ответил Варлашкин. — Ему все известно, он же Власть тайги!

БОРИС АНДРЕЕВИЧ МОЖАЕВ
ХОЗЯИН ТАЙГИ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Попова, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 19.09.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-39632-01-R